

Е Мянью едва сдерживал желание опрокинуть миску с лапшой прямо ему на голову. С трудом успокоившись, он наконец спросил:

— Чжуан Сюй, о чем ты вообще думаешь? То говоришь, что равнодушен ко мне, то просишь свою матушку признать меня приемным сыном. Тогда мы ведь и правда станем братьями! И как ты потом...

На этом месте Е Мянью запнулся, и в его глазах блеснула мысль. А ведь если они с Чжуан Сюем станут братьями, это разрешит его затруднительное положение. Наверняка близкие и друзья не станут возражать...

Но Чжуан Сюй лишь усмехнулся:

— И что с того? Разве братья не могут связать себя узами брака? Я бы вообще хотел, чтобы вы с Чжуан Юем поменялись местами, и ты стал моим родным братом.

Е Мянью лишился дара речи.

Чжуан Сюй, слегка склонив голову набок, посмотрел на него:

— Знаешь, как сильно я завидую Е Цзину? Да даже твоему отцу. В ваших жилах течет одна кровь.

У Е Мянью даже мурашки пробежали по загривку.

— Чему тут завидовать?

Чжуан Сюй ничего не ответил, лишь молча и пристально смотрел на него.

От столь бесстыдных речей Чжуан Сюя у Е Мянью даже голова разболелась. Он тряхнул хмельной головой и потер пальцами виски.

Чжуан Сюй внимательно всмотрелся в его лицо и приподнял бровь:

— Неужели ты опьянел всего от нескольких чарок? В таком случае возвращайся в комнату и ложись спать. Если насидишься на сквозняке, завтра голова точно расколется.

Е Мянью кивнул:

— У вина «Белая осенняя роса» и впрямь хмель крепкий. Знай я, что меня так развезет от пары кубков, лучше бы сразу пил прямо из кувшина.

— Я ведь даже вкуса толком не распробовал... Какое добро пропадает, — негромко проворчал он.

Чжуан Сюй не стал с ним спорить. Он взмахнул рукой, подзывая слуг, и негромко приказал:

— Проводите своего молодого господина в спальню и как следует позаботьтесь о нем. Скоро я пришлю кого-нибудь с отваром от похмелья.

Е Мянью, бережно поддерживая под руки, Фэнцзинь с остальными слугами увели в покои. На улице уже похолодало, к тому же Е Мянью был пьян, поэтому слуги не решились купать его вне дома. Вместо этого они обтерли его полотенцем, смоченным в теплой воде.

После всех этих хлопот захмелевший Е Мянью кое-как взобрался на постель. Но стоило ему лечь, как у дверей послышался шорох. Он лениво приподнял полог кровати и прищурился — это оказался Чжуан Сюй, который сам принес отвар от похмелья.

— Зачем ты сам пришел?

— Угу.

На Чжуан Сюе были белые шелковые одеяния для сна, поверх которых он небрежно накинул темный просторный халат. От его влажных волос все еще веяло свежестью после купания.

— Вставай, выпей и ложись.

Е Мянью покачал головой:

— Хмель хоть и сильный, но приятный, голова не раскалывается. Мне и так хорошо.

В голове приятно шумело, по телу разливалось блаженное тепло.

Чжуан Сюй не стал его слушать. Он присел на край постели и помог ему подняться:

— Вино-то тебя не мучает, зато ты скоро начнешь мучить меня.

Е Мянью с легким раздражением отодвинул от своего рта пиалу с отваром.

Видя это, Чжуан Сюй не стал настаивать и лишь усмехнулся:

— Смотри, не пожалей завтра утром.

С этими словами он передал пиалу стоявшему рядом слуге, приказал положить в курильницу побольше успокаивающих благовоний и тоже забрался на ложе.

Е Мянью слегка нахмурился:

— А ты-то зачем сюда лезешь?

Чжуан Сюй примостился рядом с ним, облокотившись на подушку у изголовья. В руках он держал изящный маленький кувшинчик из белого нефрита.

— Сколько раз повторять? Хочу напоить тебя и воспользоваться твоей слабостью.

Е Мянью лишь хмыкнул и отвернулся.

Чжуан Сюй, глядя на него, тихо рассмеялся:

— Когда я шучу, ты веришь каждому слову. А когда говорю правду, принимаешь ее за шутку.

— Не посмеешь, — уверенно буркнул Е Мянью, даже не открывая глаз.

Чжуан Сюй удовлетворенно кивнул:

— Твоя правда. К тому же сегодня пьян ты, так что это мне стоит побережиться.

Е Мянью приоткрыл один глаз и смерил его сердитым взглядом:

— Больно много ты о себе мнишь.

Чжуан Сюй отхлебнул вина:

— О? А я-то думал, ты уже давно пускаешь слюни на мою красоту. Только что в саду ты так пожирал меня глазами, что если бы я тебя не отвлекал, ты бы наверняка на меня набросился.

Е Мянью даже рассмеялся от возмущения:

— Что за глупости? С чего бы мне на тебя бросаться? Думаешь, ты цветок, а я бабочка?

Нарцисс!

Чжуан Сюй лишь приподнял бровь, ничего не ответив.

Е Мянью цокнул языком и пошел на попятную, упрямо твердя свое:

— Ну и что, если и посмотрел пару раз? Все любят красивое. Раз уж ты, здоровый мужик, уродился таким смазливый, то чего возмущаешься, когда на тебя смотрят?

Чжуан Сюй тихонько рассмеялся, затем тоже лег набок, подперев голову рукой, и нежно прошептал:

— Ну так посмотри на меня как следует прямо сейчас.

— Подвинься! — Е Мянью пихнул его. — Глаза бы мои тебя не видели.

Когда тайное любование чужой красотой вытащили на свет, Е Мянью смутился и теперь злился скорее от неловкости.

Чжуан Сюй ничуть не обиделся на толчок и снова придвинулся ближе:

— И почему же ты теперь боишься смотреть?

Е Мянью распахнул глаза и сердито уставился на него:

— Да с чего ты вдруг сделался таким бесстыдником? Отодвинься от меня!

— Тогда дай мне посмотреть на тебя.

Чжуан Сюй действительно принялся пристально разглядывать очертания тела Е Мянью под тонким одеялом. Его взгляд был чистым, лишенным пошлости, но при этом столь осязаемым, что разгоряченное алкоголем тело Е Мянью словно обожгло жаром.

— Чего ты на меня так уставился?

— Красивый, — серьезно ответил Чжуан Сюй.

— А почему бы тебе самому в зеркало не полюбоваться? — пробормотал Е Мянью. — Будь я на твоём месте, я бы вообще не женился. Захотелось бы плотских утех — просто встал бы перед зеркалом и передернул.

Чжуан Сюй опешил, а затем негромко рассмеялся:

— И правда в стельку пьян. — Он потянулся и прикоснулся ладонью к его лбу, после чего

удивленно приподнял бровь: — Какой горячий. Совсем пить не умеешь.

Разгоряченный Е Мянй нетерпеливо сбросил край одеяла.

— Плохо себя чувствуешь? Может, все-таки принести отвар? — спросил Чжуан Сюй.

Е Мянй замотал головой и захныкал:

— Не пичкай меня этой гадостью, она похлеще любого лекарства.

— Хорошее лекарство всегда горькое на вкус, зато полегчает, — мягко уговаривал его Чжуан Сюй.

— Мне и сейчас хорошо, будто на облаке лежу, — глуповато хихикнул Е Мянй. — А вино у тебя знатное. Мы ведь его не допили? Ты прикажи хорошенько закупорить кувшин, вернемся — еще разок выпьем.

Чжуан Сюй отвернулся, пряча улыбку.

— Чего смеешься? — недовольно нахмурился Е Мянй и попытался шлепнуть Чжуан Сюя по руке, державшей кувшин. — Хватит лакать в одиночку, оставь мне хоть глоток. Не будь таким жадиной.

Чжуан Сюй увернулся, не обижаясь на пьяные капризы, и мягко ответил:

— Не суетись, это совсем другое вино.

— А? Какое еще?

Е Мянй принялся:

— И правда не оно. Пахнет чудесно.

— Это вино «Аромат холодного омута», секретный рецепт императорской винодельни.

— О! — понимающе протянул Е Мянй. — Я слышал о нем. Говорят, его настаивают на воде из ледяного горного омута.

Чжуан Сюй запрокинул голову, сделал еще глоток и негромко подтвердил:

— Угу.

— Вкусно? — Е Мянй хмельным взором проводил его движение, облизал губы и невольно сглотнул. — Пахнет и впрямь отменно.

— Угу.

— Дашь глоточек?

— Куда тебе еще, ты и так лыка не вяжешь.

Е Мянй вдруг не на шутку рассердился. Сдвинув красивые брови, он попытался выхватить нефритовый кувшинчик из рук Чжуан Сюя, но тот со смехом отвел руку в сторону.

Глаза Е Мянйа гневно сверкнули:

— Отдай!

— Хочешь?

— Хочу!

— Назови меня братцем.

Е Мянью долго-долго думал, а потом упрямо выдавил:

— Ни за что. И не подумаю.

Чжуан Сюй приподнял бровь:

— Надо же, еще не совсем голову потерял.

— Так дашь или нет?

— Дам, — ласково уступил Чжуан Сюй. — Я сам тебя напою.

Он аккуратно приподнял голову Е Мянью и поднес горлышко кувшина к его губам. Получив желаемое, тот довольно сощурился и сделал несколько жадных глотков прямо из рук Чжуан Сюя.

Напившись, Е Мянью лениво откинулся на подушки. Лицо его покраснелось, у кончиков глаз проступил густой румянец. Он глупо улыбнулся и довольно пробормотал:

— Вкусно-то как...

Чжуан Сюй слегка потряс нефритовый кувшинчик и с наигранной обидой произнес:

— Ты же все мое вино вылакал!

— Ой... — На лице Е Мянью промелькнуло раскаяние, и он встревоженно спросил: — Что, ни капельки не осталось?

— Ну, одна капля найдется.

Е Мянью с облегчением выдохнул и небрежно махнул рукой:

— Вот ее и выпей.

Чжуан Сюй повернул голову и пристально посмотрел на влажные, алые губы Е Мянью, только что омытые вином «Аромат холодного омута». На них все еще блестела капелька влаги, похожая на утреннюю росу на лепестке персика.

— Хорошо.

Тихо выдохнув это слово, он склонился ниже и с наслаждением припал к его губам.